

Штрихи к портрету

Владимира ДУДИНЦЕВА

На том стою!

ГОДУ в сорок девятом или пятидесятом уж который день шло совещание молодых литераторов страны. Помнится, в клубе редакции «Правды» это было. С критическими разборами творчества начинающих выступали тогдашние мэтры литературы. И вдруг один из начинающих безоглядно раскритиковал произведение мэтра. Аплодисменты, негодующие и восторженные выкрики из зала, шум, гам...

Во время перерыва я разыскал отважного оратора. Это был худощавый мужчина небольшого роста, лет тридцати, в сером спортивном пиджаке и голубой рубашке с галстуком. Я высказал ему свои восторги по поводу смелого выступления и пригласил к сотрудничеству в журнале «Октябрь» — в ту пору я вел там отдел критики. Он сказал, что критику не пишет, а только очерки и рассказы. Их публикует «Комсомольская правда», где он работает корреспондентом.

Так мы познакомились с Владимиром Дудинцевым.

Печататься он начал в двенадцать лет — стихи в «Пионерской правде». А в шестнадцать, в 1934 году, на конкурсе лучшего рассказа в журнале «Пионер» получил третью премию. Формулировка была деликатная: «За высокое мастерство даже при отсутствии общественного содержания». В редакции ему разъяснили: если бы и содержание, тогда бы — первая премия, которую никому не присудили...

Школьник Володя Дудинцев был активным участником литературных кружков и объединений: при «Пионерской правде», при журнале «Пионер», при редакции журнала «Молодой большевик». Всюду было интересно, и всюду он попевал. Со страниц пионерских изданий перебрался на страницы «Комсомольской правды». Учился в юридическом, хороший диплом получил, а тянулся к журналистике и литературе.

После института, за год до войны, был призван в армию. Двадцать второго июня сорок первого года эшелон с артиллерийским полком, где он служил, следовал из Костромы на запад, на военные учения. Утром во время остановки на какой-то глухой станции по громкоговорителю услышали выступление Молотова: фашистская Германия напала на Советский Союз.

— Хорошо помню, — говорит Дудинцев, — мы все даже обрадовались. Нападения фашистов давно ждали и были уверены, как сказал Молотов, — «победа будет за нами»... Высыпав из теплушек на платформу, мы кричали «Ура!», кидали вверх пилотки, выкрикивали угрозы по адресу Гитлера. А на другой день под Псковом эшелон попал под бомбежку...

Теперь уж, вероятно, никто из молодых не поверит, что мы, слушая Молотова воскресным утром 22 июня, могли радоваться началу войны. Но это было. Ныне Дудинцев разбудил мою память — я тоже тогда радовался. Молодые говорили друг другу: «Наконец-то мы дадим фашистам прикурить!» Мы были абсолютно уверены, что навязанную нам войну закончим блистательной победой через две-три недели...

Дудинцев воевал недолго. В конце декабря сорок первого был ранен в четвертый раз и с перебитым бедром отправлен в тыловую госпиталь — в Кемерово. Пролетал тут несколько месяцев, вышел на костылях. Грозил инвалидность. Обошлось. В мае сорок второго был откомандирован в резерв штаба Сибирского военного округа в Новосибирск. Об отправке на фронт не могло быть и речи, куда там хромому! Назначили юристом при штабе. Тут я служил с сорок второго по сорок шестой год.

Журналистика по-прежнему влекла его. Послал на конкурс в «Комсомольскую правду» рассказ. Опубликовали, премировали, автора пригласили на штатную работу в редакцию. Война уж год назад кончилась, и старший лейтенант имел право подать в отставку, что он и сделал.

Двадцативосьмилетний комсомолец юрист Владимир Дудинцев стал корреспондентом центральной молодежной газеты страны. Тут и писателем стал.

В 1952 году в издательстве «Советский писатель» вышла первая его крошечная книжечка — сборник коротких рассказов «У семи богатырей». А через два года, в пятьдесят четвертом, — вторая, уже солидная, «На своем месте». В ней — повесть, давшая название книге, и десять коротких рассказов. На подаренном мне экземпляре этой книги автор со свойственной ему самоиронией написал: «Чтобы лучше снилось, чтоб отдохнула голова от «высоких» и «насуточных» дум и задач, — дарю этот сончик».

Обе первые книжки, конечно же, не были «сонниками», но они впрямь померкли перед романом «Не хлебом единым», появившимся на страницах «Нового мира». Гром среди ясного неба! Газетные киоски осаждали толпы. В библиотеках — очередь на роман. У книжных магазинов комплект журнала с романом продавался из-под полы по баснословным ценам. О романе говорили всюду.

Помню обсуждение «Не хлебом единым» в конце октября пятьдесят шестого года, устроенное журналом «Новый мир» в писательском клубе на улице Воровского в Москве. Зал переполнен, в проходах стоят и сидят, у подъезда толпа. Порядок держит наряд конной милиции. Оценка романа восторженная. Событие в литературе, каких давно уж не было.

А недели через две после этого обсуждения одна из центральных газет опубликовала разгромную статью о романе. Затем другая. И пошло, и пошло!

Отдельной книгой роман был запланирован в «Советском писателе». Решено не печатать. Отказ из редакции «Роман-газеты». Автор пришел к нам в издательство «Молодая гвардия» (тогда я работал там старшим редактором). Критические разносы в газетах нас не испугали. За редактуру взялась заведующая редакцией В. А. Яковлева. С ее многочисленными замечаниями автор согласился, и роман «Не хлебом единым» вскоре должен был выйти.

И вдруг — команда из ЦК ВЛКСМ: издание приостановить. Кто-то туда «сигнализировал». Директор издательства Иван Яковлевич Васильев — бесстрашный был директор! — поехал объясняться. Отстаивал роман, как мог. Руководители комсомольского ЦК заколебались. Единого мнения не было. Судили, рядили, советовались с инстанциями. Лучше бы не издавать такой острый роман в молодежном издательстве...

В конце концов договорились с секретариатом правления Союза писателей: выпустить «Не хлебом единым» в «Молодой гвардии», поскольку она уже потратила на это издание большие средства, но под маркой профессионального писательского издательства «Советский писатель» и малым тиражом.

Книга вышла в 1957 году. И тотчас на нее обрушился новый шквал разгромных рецензий. Тон задали один из тогдашних руководителей Союза писателей — А. Софронов, назвавший роман «пасквилом» на действительность.

Владимир Дудинцев замолчал на тридцать лет. И вот ныне в журнале «Нева» опубликовал новый роман, за которым чи-

татели охотятся, пожалуй, так же, как в свое время за «Не хлебом единым».

...Но прежде чем говорить о новом романе, вспомним старый. Нынешняя молодежь его ведь не знает. Комплект журнала с этим романом за тридцать лет уже истлел в руках читателей, а книга переиздавалась лишь дважды. Между тем роман несколько не устарел.

И борьба передовых советских людей за технический прогресс против обскурантизма, и смелое разоблачение бюрократов, и утверждение высокой морали, гражданского мужества, человеческого достоинства, совестиности — как же все это злободневно! И главный герой романа, самоотверженный и бесстрашный Дмитрий Алексеевич Лопаткин, — будто наш товарищ, активный участник происходящей сегодня в стране революционной перестройки. А его враги — ретрограды от науки Авдиев и Фундатор, вельможные бюрократы Дроздов и Шутиков — и наши враги.

И хотя в конце романа Лопаткин доби-

вается справедливости, ретрограды и бюрократы не побеждены. Они лишь притихли в ожидании лучших времен.

Хлебнувший горя через край, Лопаткин однажды спрашивает своего друга профессора Бусько: «— Вы верите в построение коммунизма? Старик покраснел. — Я как-то не очень задумывался... — В мешанский коммунизм я никогда не верил, — продолжал Дмитрий Алексеевич. — Тот, кто думает, что при коммунизме все будут ходить в одеждах, расшитых золотом, — ошибается. Привязанный к вещам мешанин может ждать от коммунизма одного: «Вот где покушай!» И о личном особняке мечтает, и о всяких предметах роскоши.

«— Но я совсем другой, — говорит Давид Лопаткин. — У меня другие потребности, мне этого ничего не нужно. Я не хочу такого счастья, как в кино: еда, квартира, спальня, кружева... То есть я,

конечно, не отказываюсь. Но имея одно это, я не буду счастлив. А если доведу дело до конца, в спальни у меня не будет, — все равно буду счастливее!» И тут будет к месту сказать, что характером автор похож на своего героя. Он тоже хлебнул горя через край — и с четырьмя ранениями, и с бытовыми неудобствами после госпиталя. Юрист в звании старшего лейтенанта, только что освободившийся от костылей, ютился на верхних нарах в барачном общежитии. А тут еще превратности с романом, два инфаркта... Как и Лопаткин, счастье он видел в самозабвенном творчестве и в любви.

В разгар войны, когда Владимир Дудинцев только что вышел из госпиталя на костылях, его разыскала в Новосибирске любимая девушка Наташа. Они познакомились семнадцатилетними в тридцать пятом на курсах по подготовке в вузы. Потом учились в разных институтах, встречались, в первые месяцы войны переписьвались. После четвертого ранения Владимира связь оборвалась. Письмами Наташа разыскивала его по всем фронтам, наконец нашла. Летом сорок второго приехала в Новосибирск из Москвы...

Встретились в сквере на площади. Он уже без костылей, шел покачиваясь, с палочкой. Увидав его, она вскопчила со скамейки, кинулась навстречу. Обнялись и первый раз поцеловались. Сторожица при барачном общежитии уступила им на сутки свою землянку. Тут они и заключили брачный союз. Его крепости можно позавидовать: Дудинцевы преодолели все невзгоды. Вырастили трех дочерей и сына.

Внешне Дудинцев выглядит ныне здоровым, но инфаркты оставили след. Лет пять назад мы с ним плавали в море без усталости — он превосходный пловец! — а минувшим летом и до буйки не осмеливался. Возвращается на берег — и таблетку нитроглицерина под язык. А в глазах печальная ирония...

В 1964 году писатель выступил в «Комсомольской правде» со статьей в защиту генетика-естествоиспытателя Лебедевой. В результате многолетних исследований и опытов Лебедева вывела высокоурожайный, морозоустойчивый сорт картофеля. А ретрограды от науки во главе с директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР) Сизовым начали травлю талантливого селекционера. Член-корреспондент ВАСХНИЛ профессор Сизов был в ту пору очень влиятельной фигурой: за его спиной стоял вчерашний президент ВАСХНИЛ, все еще могущественный академик Лысенко. Поэтому критиковать Сизова, разоблачать его несостоятельность как ученого никто не решался: слишком опасно.

Дудинцев это знал. Совсем еще недавно жестоко и несправедливо битый за талантливый роман, он вроде бы должен был поостеречься. Кто-нибудь другой так и поступил бы, но не Дудинцев. Не тот характер. На том стою, говорит он.

Публикация вызвала много шума. Не сразу, но вдруг, но статья сработала — справедливость восторжествовала. Талантливый ученый Лебедева получила возможность продолжить свою работу. Выведенный ею высокоурожайный, морозоустойчивый сорт картофеля получил право гражданства.

А у писателя возник замысел нового романа...

«Белые одежды» были напечатаны в первых четырех номерах журнала «Нева» за прошлый год. Хотя отдельным изданием книга еще не вышла, а тираж журнала не так уж велик, роман прочли — можно не сомневаться — миллионы лю-

дей. Рецензии — во всех газетах и журналах. Мнение на редкость единодушно: «Белые одежды» — подлинно художественное произведение высокого гражданского звучания.

Нет нужды пересказывать содержание романа, напомним лишь: речь идет о сражениях ученых с лжеучеными, подвижников научно-технического прогресса, олицетворяет которых естествоиспытатель Иван Стригалева, с карьеристами и приспособленцами типа Рядно.

Переворачивая последнюю страницу романа, мы задумываемся: почему же нередко так случается, что обскуранты, карьеристы берут верх над энтузиастами, бескорыстными подвижниками науки? Непростой вопрос.

В обоих романах Владимира Дудинцева время действия — сороковые, пятидесятые годы, а воспринимаются изображенные в них события так, как если бы они происходили ныне. И дело не только в неумирающем конфликте, положенном в основу того и другого произведения (борьба прогрессивных сил с рутинными, злобно сопротивляющимися), а в живых разнообразных характерах действующих лиц.

При всей общности, при схожести стержневых сюжетных линий, «Не хлебом единым» и «Белые одежды», конечно же, весьма различны между собой. Главные герои не продолжают один другого: Стригалева не похож на Лопаткина, Рядно — на Авдиева. Для каждого найдены свои краски, своя интонация, свой метод создания образа.

В «Белых одеждах» есть, на мой взгляд, и слабости. Очень невнятно, например, написан эпизод с трубами, по которым пробирается к домику Стригалева Федор Дежкин. Что за трубы в траве? Для чего они? Что это: дань достоверности или некий художественный ход?

Неубедителен сюжет с подменой Стригалева. Известный датский ученый Мадсен приехал в Советский Союз для встречи с ним. А того уже в живых нет — погиб в заключении. Как быть? И «народный академик» Рядно, погубивший Стригалева, предложил устроить подмену: пусть в роли Стригалева выступит перед иностранцем Федор Дежкин.

И вот сцена. В кабинет входит Дежкин, и ректор института Варичев, показывая на него, говорит Мадсену:

«— Вот и наш доктор Стригалева... Иностранец смотрел на него как на чудо, и восхищение его росло и распухало, как утреннее зарея».

Все это вряд ли могло быть правдой. Дело в том, что Мадсен знал в лицо подлинного Стригалева, и на незнакомца, названного его именем, он бы взглянул не с восхищением, а озадаченно. Да и Дежкин, которого мы успели узнать как честнейшего человека, поклонника стригалевского таланта, не мог согласиться на предложенную ему подлую, кощунственную роль...

Людей принято судить по их делам. Первым крупным делом Дудинцева было участие в войне с фашизмом. В окопах переднего края он командовал взводом, потом ротой. После войны — журналистика и талантливейший, высокого гражданского мужества роман «Не хлебом единым». И какие удары перенес, сколько бедствий, невзгод, моральных испытаний — не счесть! Выстоял. И создал новый талантливый роман высокого гражданского мужества. И я верю, он еще напишет прекрасные произведения.

Михаил ШКЕРИН